

Исроэл Аксенфелд. Дос Штернтихл.

Всякий, кто знаком с нашей русской Польшей, знает, что такое маленькое местечко. Маленькое местечко — это нескольких домишек. Там каждые две недели торг по воскресеньям. Евреи торгуют водкой, зерном, рядом для мешков или дегтем. Есть там обычно и такой еврей, что стремится выбиться в цадики.

Городом называется место, в котором есть пара сотен каркасных домов, ряд каменных лавок. Там есть один новоиспеченный большой богач, несколько богатых лавочников, несколько коммерсантов, которые торгуют сельскохозяйственными продуктами: орехами, воском, медом и холстом, несколько крупных дельцов, которые оперируют частью деньгами больших богачей из половинной доли, а частью — деньгами богатых арендаторов, живущих в окрестностях города. В таком городе есть помещик («князь») и его усадьба. Ему принадлежит город и десяток окрестных деревень (это называется «ключ»). Кто-нибудь, кто пользуется уважением в помещичьей усадьбе, держит городскую аренду или даже аренду всего «ключа» в придачу. Есть в таком городе и крепкий еврей, состоящий в дружбе с капитаном-исправником. Есть там и сутяга, таскающий город и общину по местным судам, иногда доходя и до губернского. Помещик стремится заполучить к себе в город на жительство «хорошего еврея», чтобы был там хасидский ребе, поскольку от того, что евреи ездят к нему, увеличивается продажа водки, пива и медовухи. Все это принадлежит помещику — и он получает доход. Есть в таком городе содержатель винного погреба, часовщик и доктор, канторы бывший и нынешний, фактор, сумасшедший, брошенная жена, общинные служки и сарвер. Есть в таком городе и братство портных, погребальное братство, братство изучения Мишны и беспроцентное ссудное товарищество. В таком городе есть синагога и бесмедреш, иногда еще и клоиз или хасидский штибл. И если вдруг кому-то взбредет в голову назвать такой город местечком — то это наглец или дурак.

Большим городом называется место с парой тысяч домохозяев, с каменными домами помимо каркасных. Это уже совсем другое дело. Здесь иной может похвастаться, что при встрече с жителем другой улицы он его поприветствовал, приняв его за чужого. Да и правда, кто в таком большом городе может отличить своего от чужого? Там так много народу, что невозможно знать всех.

(перевод М. Крутикова)

Молодой человек вдруг попадает из русской Польши в Германию, причем напрямик в большой город вроде Бреслау — как же странно и непривычно ему поначалу!

Михл однажды уже выезжал из родного Лойгойополя — ездил в Бердичев на свадьбу. Его, проворного помощника меламеда, взял с собой в качестве прислуги лойгойопольский богач, и за это заплатил ему 8 рублей серебром, не считая еще 6 рублей подарка.

Что же увидел Михл в Бердичеве — большом городе? В десять раз больше грязи, чем в

Лойголополе, в 15 раз больше ободранных женщин и обтерханных мужчин и в 38 раз больше нищих, которые хватают тебя за края одежды, в 40 раз больше телег, запряженных лошадьми. Все толкаются, куда-то быстро бегут, гонятся один за другим. Один ругается, другой дерется, десятеро ссорятся, пятеро кричат:

- Здравствуйте, как там у вас?

Всем некогда: один зацепился за колесо – и вот уже половина кафтана выдрана, сбоку кричат: «Поздравляем!», гремят жестяные коробки для пожертвований - «Милостыня спасет от смерти!», - тут же прямо на улице танцуют с халой перед невестой, играют клезмеры. Нищие с длинными палками в руках просят пожертвований, еще десятеро носятся с криком: «Держи вора, убегает!...»

И вот Михл увидел Бреслау. Город без грязи. Ни одного оборванного человека на улице. Все одеты, как панове, чисто и красиво. Даже ступеньки при входе в здания чисто вымыты, у дверей лавок никто не кричит: «Заходите, покупайте!»

И еще более удивительная вещь. Говорят, в Бреслау живут 10 000 евреев – а Михл до сих пор не видел ни одного, кто был бы похож на еврея из Лойгойополя или Бердичева. А когда он спросил кого-то – ему рассказали, что евреи здесь тоже ходят одетые, как паны. Он все не мог взять в толк: как это паны могут быть евреями? А после, в субботу, он пошел в синагогу и увидел и услышал, как тут молятся. Каждый стоял на своем месте и молился, глядя в сидер. Михл даже специально заглянул в сидер – такой же! Своя, родная, привычная молитва, не сефардские какие-нибудь сидеры, все начинается с «Ма тойву». Вот стоит перед амвоном человек – но он не завывает и не бьется. Все тихо стоят на своих местах, серьезно молятся – и ведь это точно евреи! Женщины ходят разодетые, как аристократки, и говорят друг другу «Доброй субботы».

Вот суббота исходит, наступает воскресенье. Михл видит, как тысячи немок и немцев, от мала до велика, чисто и празднично одетые, отправляются куда-то загород. Но куда? В бесмедреш – нет, здесь нет привычных грязных бесмедрешей. На ташлах – тоже не может быть. Или это приехал губернатор или какой-нибудь новый князь?

В толпе Михл увидел еврея, у которого остался на субботнюю трапезу, - ну чистый граф! – с женой *пидбоком* – тоже одетой как графиня! Они вместе со всеми направляются загород. Михл подошел и спросил:

- Куда это все идут?

- Коммт, полак, хальтен зи унз фрай! – Идите с нами, поляк, сойдете за одного из наших! – отвечают ему.

Хоть Михл и не понял, что ему сказали по-немецки, он пошел вслед за всеми. Они добрались до большого, просторного сада. Туда все входят парами – и даже вместе с детьми. Пожилые евреи, которых Михл видел в синагоге столь серьезно молящимися, называют его «либихс гортн». Молодые люди, с которыми он шел, говорят:

- Ну, полак, хир ист дер гартен, волен зи унз фрай хальтен?

И тут Михл догадался, что то, что молодые называют «гартен» [*сад – нем.*], у стариков

называется «гортн» [*огород - идиши*]. «Огород? – думает он. – На что мне огород, где растут всякие огурцы, кукуруза, свекла или даже вишня с черешней или груши, а то и сливы с яблоками?» - и неуверенно кивает:

- Йа...

«Да? Или нет?»

Хозяин, приютивший его вчера на субботнюю трапезу, хлопает его по плечу и приглашает в сад. Кивает жене – и та проводит его через ворота.

И вот Михл внутри. Он вместе со всеми панами прошел через красивые ворота! Из почтения он снимает шапку (сподек он убрал, как только приехал сюда, а вместо него купил себе картуз), но хозяева смеются и показывают ему, что здесь никто не снимает головных уборов – и он тоже может остаться в шапке.

Оказывается, что здесь, в саду, в «либихс гортн», нет никакой свеклы и кукурузы, и даже слив с грушами – и тех нет. А есть большая площадка, обсаженная какими-то штуками – такими, как на праздник сукес, но они не сорваны, а еще растут. Дальше – большие и маленькие деревья. Очень красивые, высаженные рядами или кружками. А между деревьями стоят столы, а рядом – скамеечки. И вокруг – публики не счесть, все пьют кофе и платят мальчикам, которые приносят подносы с чашками, кувшинчиками кофе и молока и с сахаром, всего ползлотого. У нас за столиками сидят господа и дамы с детьми, пьют бутылочное пиво из красивых стаканов – и платят того меньше.

- Ах, как дешево! У нас в Лойголополе, – думает Михл, - стакан старой браги и тот стоит дороже!

<...>

Михла все это изумляет: как же так, всего один польский злотый – и он оказался в раю, среди господ и их хорошеньких дам! Он пил пиво, хозяин с очаровательной хозяйкой угостили его пивом; клезмеры играют – и красиво играют, в тысячу раз лучше, чем Ицикл Ливак из Лойголополя! И еще он гулял в раю целых два часа! И все это стоит всего один польский злотый! Вот как, оказывается, здесь люди живут... «А у нас живут как свиньи!» - говорит себе Михл.

(Перевод А. Полян)